

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

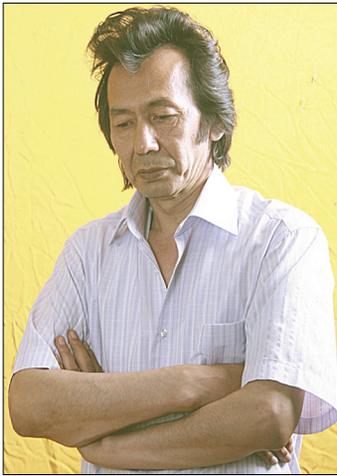

РОМАН №22 ГАЗЕТА

Рахимжан Отарбаев / *Амазонки нашего аула*

90
лет

ОТАРБАЕВ Рахимжан

родился в 1956 году в Курмангазинском районе Атырауской области Казахстана. Окончил Уральский пединститут имени Пушкина.

Творческую работу начал в редакции газеты «Казак эдебиети», заведовал отделом в журнале «Жалын», был атташе в посольстве Республики Казахстан, председателем Мангистауской телерадиокомпании, директором драмтеатра, заведовал сектором администрации Президента Республики Казахстан.

В 2009 году назначен Генеральным директором Национальной академической библиотеки.

Р. Отарбаев — известный писатель и драматург, член правления Союза писателей РК и казахского Пен-клуба. Лауреат Премии им. Махамбета, Международной премии им. Чингиза Айтматова. Академик, Заслуженный деятель культуры Республики Казахстан. Его произведения переведены на русский, киргизский, турецкий, арабский, английский языки.

Живет в Астане.

Из очерка Георгия Пряхина «И смех, и слёзы, и любовь»

С Рахимжаном Отарбаевым я долгое время был знаком только по телефону. Время от времени он звонил мне из Астаны, и я слышал негромкий, с хрипотцой, голос человека, старающегося безукоризненно подбирать и произносить русские слова и потому выдающего их как начальные, вразрядку, капли степного летнего дождя. И про себя думал: ну, вот уже и казахи *стараются* — былая всеобщая русская скороговорка постепенно сходит с былых имперских территорий.

А что остаётся? В данном случае, уверяю вас, потерь нет. Ведь есть вещи и поважней артикуляции. Русская культура, наша общая, под одним не очень ласковым небом сконденсированная живительная влага проникла, пропиталась, в данном случае до самых корней, соединившись с другой древней, феерической духовной субстанцией — Отарбаев пишет на подчёркнуто казахском, но смех сквозь слёзы в нём так узнаваем.

...На примере Рахимжана Отарбаева можно судить, что нарождается сегодня в серьёзной казахской литературе — не пустоцветы.

Чем отличается мудрый человек от умных? Много дефиниций есть на этот счет. У каждого своя — и у меня тоже. Я считаю, что умные часто посмеиваются над *другими*, а мудрый — над собой. Даже в тех отарбаевских рассказах, где автор, рассказчик формально не присутствует, его улыбка, в меру озорная и в ещё большей мере печальная, всё равно витает над этой незримой, отсутствующей фигурой. У каждого из нас свой нимб, а у кого какой — это уж кому как повезёт, кто у какой раздачи достоялся.

Мне этот автор интересен ещё и тем, что в чём-то повторяет и мою собственную молодость: до недавнего времени трудился в серьёзных властных структурах Казахстана. В какой-то степени это в традициях и русской, и казахской литературы: и Фёдор Достоевский, и его

юный друг, казах Чокан Валиханов, ходили в шинелях, правда, разной выделки. Шинелью, только более нежной фактуры, был и дипломатический фрак отарбаевского коллеги Фёдора Тютчева. На одни должности нас назначают живые люди, на другие — Судьба. И мне кажется, что в случае с писателем Рахимжаном Отарбаевым она, Судьба, не ошиблась.

...С помощью этого человека, даже посредством этого человека — не только через его творчество — узнаю тот Казахстан, который либо был для меня когда-то сокрыт, либо народился в новейшие уже времена.

...Отарбаев же и открывает нам мифологический и даже мистический Казахстан.

Его рассказы и повести действительно пронизаны, как неким дальним, мерцающим отсветом, преданиями и верованиями своего народа.

В большинстве своём современные и даже остросовременные по сюжету, они приобретают феноменальную особенность. Их корешки сокрыты. Они не висят в воздухе. Они — не гидропонного происхождения. Уходят куда-то вглубь, и это придаёт лучшим вещам Отарбаева стереоскопичность, дополнительный объём и ту многозначность, без которой не бывает подлинного искусства. Они не просто неоднородны — они и сами мерцают, как будто бы со дна.

...Его герои смеются и плачут. А как замечательно причитают эти его зачастую совсем не литературные герои! Да, плачут, правда, тоже чаще, чем смеются.

А смех сквозь слёзы, до слёз на ресницах, как и любовь до слёз это и есть литература. Особенно сегодняшняя. Особенно настоящая.

МОНА ЛИЗА

Элегия

Стою у знаменитых стен Ла-Скала, под крышей которого свили гнёзда голоса великих. Прославленный театр с не менее великим интересом рассматривает люд, прибывающий со всех концов света. Восхищаются каждым его камнем. Любознательные японцы, пылкие испанцы... Прямо в центре площади высится и смотрит вниз серая каменная статуя. Окладистая борода, худое лицо, отягощенный мыслью гениальный художник. «Леонардо да Винчи!», «Какое величие!» — звучит в толпе, ринувшейся теперь на противоположную сторону.

Не могу сдвинуться с места. Меня охватывает какое-то необъяснимое чувство. «Всё-таки встретились», — говорю про себя. И в эту фразу вместились и прошлая обида, и горечь сожаления, от которых остались одни тлеющие угольки.

Несмотря ни на что, я хотел заглянуть в его глаза. Такого не могло быть вообще. Словно разочарован во всем сущем. Я тоже потерял надежду.

От дуновения морского бриза повеяло дыханием осени. Здесь ещё не опали листья.

— Идёмте, сфотографируемся.

— Память на всю жизнь!

— Полковник, мы слышали, что и вы в своё время увлекались рисованием?

Мои спутники-туристы тщетно пытаются меня растормошить.

Почему-то кольнуло сердце. На толпу, хлынувшую на площадь, смотреть не хотелось. Повернулся спиной. Статуя Леонардо да Винчи отдалялась все дальше и дальше. Когда дошел до улицы Санта Марии, начал задыхаться. Как будто, судорожно задрожав, оборвалась одна тоненькая нить души. Покачиваясь и едва сделав ещё несколько шагов, присел.

— Сеньор, вам нужна помощь? — растворяются в воздухе голоса.

Издали смутно возникает видение Моны Лизы. Симпатичное лицо, длинные льющисея волосы, светло-карие глаза, грудь величиной с голову пяти-

летнего дитяти... Прежняя таинственная улыбка. Или, может быть, даже ирония. На глаза мои навернулись слезы. Подняв высоко к небу, машет мне белой ручкой. Мимикой и жестами зовет к себе. «Прочь от меня, не хочу видеть тебя, Мона Лиза! Встретилась желанной, а принесла лишь страдания... Да нет, подожди, какая там Мона Лиза? — это же Моншак. Настоящая... Откуда она здесь?»

— Сеньор, вам худо...

Какие-то прохожие поддерживают меня под локти.

Перед моими глазами плывут видения. Исчезают и возобновляются вновь. Улыбаясь, тянет ко мне руки Моншак. Такая же высокая и стройная, с кудрявыми волосами, красивым прямым носом... Лицо, источающее свет. Удивленный взгляд... Может, хочет с собою забрать в аул? Неужели, как и раньше, ещё надеется, бедняжка?..

В то время я был студентом второго курса. Будущий художник. Да ещё какой! Краски, которые я наносил на холст, так и переливались, словно расправленные перья фазана под солнечными лучами. Кто только не заглядывался на них!

Я же был воодушевлён одним Леонардо. И всеми силами стремился познать секреты его руки... Его Мона воистину околдовывала меня. Сочетание света и тепла, тени в портрете этой красавицы, её таинственность... Днями и ночами я впитывал ее глазами и не мог насмотреться.

Потому что моя Моншак была тоже красива. Ухаживая за престарелой матерью, осталась жить в ауле. Работала в школе лаборанткой. Может быть, тот разговор в тихую летнюю ночь, жаркие объятия до сих пор в меня вселяют силы и не дают упасть? Да не может быть, а так, именно так!

Вокруг тогда не было ни души. Только я и она. Мы вдвоём шли по берегу речки. Спокойно кивали головками камышовые заросли. Сияли звёзды. Мессяц на небе раскачивался на своих качелях.

Она прислонила голову к моему плечу. Оказалось, безмолвно плакала. Я сразу понял, что она намеревается мне сказать.

— Там так много всего интересного. Ты изменишься. Говорят, что городские девушки в мини очень изобретательны. Ни одна из них...

— Ты — моя любовь! Единственная, — сказал я на это, обняв её за талию. — Закончу учёбу, стану известным художником. Поженимся и будем жить в городе.

— Как неграмотная, необразованная девушка станет суженой известного художника? Ты будешь много ездить по разным странам, видаться со знаменитостями. И я буду обузой тебе...

— Не говори такого больше! — горячился я. — Сначала напишу твой портрет. Твою душевную чистоту, красоту твою и даже внутренний свет твой высвобожу на этом холсте. Прямо как портрет Моны Лизы, — совсем терял я голову. — Даже лучше её. Ещё прекраснее!

— Продолжай, — понемногу успокаиваясь, отзывалась она более твердым голосом.

— Вот моя Моншак, объявлю я на весь мир!

— Я верю, — сказала она, опуская колени на мягкую зелёную траву на берегу. — Что ж, верю... Только отца твоего стесняюсь. А к матери твоей всегда захожу, здороваюсь с ней...

Её губы были так сладки. Мягкие кудри щекотали мою шею, то и дело возбуждая меня. Слабо веющий ветер притих. Только жаворонок вдаль убаюкивал гнёздышко своим чудным пением. И тогда я вспомнил слова своей матери:

— Вы учились в одном классе. Она золотая. Ухаживает за больной матерью. Росла без внимания отца. Сынок, приведи её в наш дом невесткой!

Зелень, расстеленная вдоль берега, мягка, словно шёлковое одеяло. Облокотившись, легли на траву. Наверху горели звёзды. Так много было там небесных светил...

Тону в видениях давно ушедших дней. Да ведь это я... Как молод был я тогда! Тесная студенческая комната. Одинокая кровать. А над нею, на стене, висит Мона Лиза. Отпустив до плеч волосы, пристально рассматриваю скрытную улыбку итальянской красавицы. Чары её затягивают в свои глубины, но всё же тайны не раскрывают.

— Благослови, — воздев широко ладони, взывал я к великому художнику, чей автопортрет висел напротив. И в надежде смотрел на его бородастое лицо. — Хоть я и не левша, как ты... Но я обещал своей Моншак. У меня большое будущее.

На фоне слабого света лик старика как будто преображается. Потом прищуривается, кривя губы...

Комната заполнена эскизами. Нет-нет, но среди них нет той, которую я люблю. Её захватывающий смех, её распущенные кудри, нежно щекочущие шею, красивый нос... Совсем другие. Чужой образ. Холодная красота. Нет, на эскизах совсем не то. Она — иная, взлелеянная в просторах степи.

— Всё равно добыю, найду, — яростно заклинаю сам себя. — Красота и робкость, сдержанность и чистота — в какие это краски заточено? Какими кистями вызволить? Такой портрет не руками — он сердцем творится...

В то беспокойное для меня время из аула и приехала мать. В последнем письме на скорую руку написал ей, что собираемся в Москву, на один год. Там нам будут преподавать маститые учителя... Вот и приехала, тоже наспех, с набитым провизией мешком для меня.

— Отец с утра до вечера на работе. Всё совсем некогда. И больной желудок начал его беспокоить, — приговаривала она.

На её светлом лице виден был след переживаний. Она немногословна, но убедительна.

— А это ещё кто? — спросила, уезжая, и показала на Мону Лизу.

— Твоя будущая невестка. Говорит, свёкру и свекрови буду разливать чай, — сказал я, шутя.

Пошутил. Мать, где стояла, там и села, словно подкошенная. Я опаздывал на лекцию. Всему произошедшему значения не придал. А после мы всем курсом отправились в далёкое путешествие.

Моя наивная мама! Оказывается, с горьким чувством на душе вернулась тогда в аул...

Что это? Неужели и на улицах Милана можно увидеть дерущихся? Ой-бай, да ведь это пышногрудая Мона Лиза! Чуть отойдёт и опять рвётся в драку. Вся кипит от злобы. Да и Моншак от битвы не бежит. Её светлое лицо теперь сурово. Глаза искрятся ненавистью. Женщины остервенело таскают друг друга за волосы. Пинают в грудь.

— Ты — плутовка! — кричит Моншак, не сдаваясь.

— А ты — дикарка! — вопит ей в ответ запыхавшаяся Мона Лиза.

Кто это так быстро несется как сивый мерин? Может, у них такая «скорая помощь»? Да разнимите же их! А то еще навредит Моншак...

Да, моя наивная мать. Оказывается, всерьёз и сильно переживая, пришла к отцу. Разливая ему чай, сначала горько расплакалась. А после, заметив, как гневно содрогается борода её строгого старика, притихла.

— Говори! — сказал тогда отец, отодвигая пиалу вместе со скатертью. — Что ещё натворил избалованный сын?

— Твой единственный, ниспосланный тебе на старость... Фотографию чужой девушки повесил над своей кроватью.

— Ну, повесил, и что?

— Днём и ночью, словно его заговорили, всё смотрит на неё умоляющими глазами.

— Повзрослел, значит, для случки. Мы тоже в его годы...

— Не придуривайся на старости лет.

— Ладно, ну и что потом?..

— Невеста вроде постарше его. Если в людях знаю толк, она не казашка. И очень уж полная. Похоже, что уже беременна. Ай-й, Моншак-жан! Как же я теперь в глаза ей посмотрю?

На сей раз отец даже забыл произнести послетрапезное благословление. Сидел в раздумье, уткнувшись взглядом в сторону окна. День ветреный. Лихой ветер, поднимая сухую пыль, так и хлестал мелким песком по стёклам.

— Этот одержимый мальчик передал, что хочет жениться. Где наши сваты, на холмах Крыма или в низинах Казани, этого я не знаю. Но откуда бы они ни были, свататься к ним поедете вы, — сказал отец, пригласив своих трех родственников под водительством Киякбая. — Сам парень напоследок на Москву подался. Видать, стыдно ему. Если в какой-нибудь день, неровен час, нагрянет, будьте в готовности.

Родственники, как почетные гости, отведав голову барана, вышли из дома раскрасневшими и до-

вольными, балагурия и настроившись на приезд неведомых сватов.

Этот разговор неспешно, как это бывает в аулах, дошел до слуха всех жителей: стучался в двери, заходил в дома, после чего вылетал из окон. Так и бродил приложением к повседневным будничным заботам.

Шесть месяцев, ничего не подозревая, я внимал устам учёных светил. Потом пришло письмо от Моншак: «Теперь можешь не рисовать мой портрет! Я всё знаю. Поздравляю с невестой. Зачем тебе такая несчастная бедолага, как я...»

Слова, вместившиеся на половинке тетрадного листа, разбегались перед глазами, словно муравьи. У меня закипали слёзы.

«Наверное, чьи-то сплетни. Не может быть, — думал я в сердцах. — Не может быть!»

Возвратившись вскоре из Москвы, узнал, что она очень переживала, но по воле судьбы вышла замуж. После чего для меня в этом мире всё потеряло смысл, всё стало пустым. Я рыдал и катался по полу...

Потом разбросал и разлил краски... Переломал, состриг кисти. Сорвал портрет Моны Лизы, висевший над моей кроватью, и выбежал во двор. Там, словно сумасшедший, остановил какого-то нищего старика и всунул Мону Лизу ему под мышку. Расцеловал и облил его слезами. После чего взмолился:

— Выручи, освободи меня от этого портрета! — умолял я его. — Пусть будет проклято это ремесло!

Постой, а ведь у того нищего, уличного старика такая же густая борода, такой же худошавый, суровый лик... И всё глазами в землю упирался. Он тоже был разочарован этим миром. И тоже осень стояла на дворе. Прохладный ветерок дул с моря. И листья ещё не опали...

Кто же это был?

Виденье Моны Лизы и Моншак, таскающих друг дружку за волосы, исчезло. Кто же из них взял верх? Ясное дело. Как можно противостоять чудотворной красоте?

Но как же мягка была зеленая трава, растущая на побережье, словно расстеленное шёлковое одеяло. Как же было приятно, облокотившись, прилечь на него. И как ярко горели звёзды. Их было неисчислимое множество!

— У него инфаркт, — доносятся голоса людей в белых халатах, суетящихся вокруг.

Меня обступали сплошные видения. Или воспоминания. Не отпускали из своих крепких объятий.

Да, так и сбежал я тогда из аула. Хотелось убежать в такую даль, где иссякает само пёсье дыхание. В конце концов, всю свою злобу выместил на своих отросших волосах. Больше ни на что сил не хватило. Побрив голову налысо, уехал служить в армию. Так и поглотили меня бескрайние леса Сибири. И до сих пор не отпускают.

Через тридцать лет, когда приехал на похороны матери... Вечерней порой, словно общипанный, сто-

ял у окраины аула. На темной лошадке проезжал верховой. Позади медленно шла женщина. В руке ведро, в котором плещется молоко. Плечи опущены. Я сразу её узнал. Это была она — Моншак. Слышал, что муж у неё пастух, сама — доярка. Не поднимая глаз от земли, краем губ тихо произнесла:

— Прими нашу скорбь по кончине матери, пусть душа её будет в покое...

В каждом её слове чувствовалось волнение. Муж, не сходя с лошади, кисло ухмыльнулся. Затем своим беззубым ртом что-то пытался прошамкать. Я его не расслышал. Всё мое внимание было приковано к Моншак. Красивые кудри её поредели. Виски покрыла седина. Она будто стала ниже ростом. Угас тот свет в облике. В пространстве маячило до боли знакомое, потерянное и измученное существо.

— Будь счастлива под этим небезоблачным синим небом! — прошептал я. — А я уж как-нибудь...

Пешая и верховой удалялись. Лопатки Моншак вздрагивали. Ведь она и плакала всегда безмолвно...

Везут на «скорой» в клинику, будоража и распугивая прохожих, спасают от назойливых видений и воспоминаний...

Прощай, Мона Лиза, — роковая мечта!

Прости меня, Моншак!